

На правах рукописи

Журбина Ирина Викторовна

**КОНЦЕПТ «ПОЛИТИЧЕСКОЕ» В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ФИЛОСОФСКО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Специальность 5.7.7. – Социальная и политическая философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Великий Новгород – 2025

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии и социологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Научный консультант: **Маленко Сергей Анатольевич**, доктор философских наук профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Официальные оппоненты: **Дыдров Артур Александрович**, доктор философских наук, доцент, директор центра «Научно-образовательный центр практической и прикладной философии» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»

Попов Дмитрий Владимирович, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии и политологии Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Защита состоится «___» _____ 2025 г. в ____ часов ____ минут на заседании диссертационного совета 24.2.283.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Волгоградском государственном университете по адресу: 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, 100, ауд. 4-01 А.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. О.В. Иншакова Волгоградского государственного университета и на официальном сайте университета: <http://www.volsu.ru>

Автореферат разослан «_____» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

В. А. Храпова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена изменениями, вызванными процессами глобального переустройства мира. Глобализация оказывает глубокое влияние на «политическое», трансформируя представления о государстве, власти, системе демократического представительства и политической жизни общества. Традиционная модель национального государства, основанная на суверенитете, территориальной целостности и монополии на власть, сталкивается с новыми вызовами и вынуждена адаптироваться к меняющимся условиям. Свободное передвижение капитала, финансовых рынков, рабочей силы, товаров и услуг размывает границы национальных экономик. Транснациональные корпорации и мировые финансовые рынки подчиняют себе политику государств таким образом, что она становится локальной и зависимой от международных организаций (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация, Всемирная организация труда), оказывающих влияние на внутреннюю политику. Национальное государство трансформируется в государство неолиберального типа, в котором единственно возможной является «политика глобального бизнеса» (У. Бек). Это ставит под вопрос способность национальных правительств контролировать экономическую политику и защищать интересы своих граждан.

Глобализация формирует представление о власти новой экономической элиты, которая называется либо плутократией (В. Браун), либо корпоратократией, живущей за счет капитализма катастроф (Н. Кляйн), либо денежной олигархией (Г. Стэндинг), показывающей усиление консолидации олигополистической, монополистической и транснациональной власти в руках нескольких международных корпораций. Это оказывает влияние на основы народного суверенитета и систему демократического представительства. Понятие «Народ», олицетворяющее собой суверенное политическое целое, вытесняется и замещается понятием «население», под которым понимается масса индивидов, проживающих на территории государства. В индивидуализированном обществе Политика, которая традиционно была связана с проектами счастливого, справедливого, хорошего общества, формирующими идеальные цели – общественного блага, счастья, равенства и свободы, замещается житейской политикой индивидов, направленной на повышение уровня экономического благополучия и материального достатка. Жизнь человека начинает оцениваться по экономическим критериям в терминах «капитализации», «экономизации», «монетизации», «накопления», «траты» и т.д., подчеркивающих важность свободы потребительского выбора как в отношении определенных продуктов, так и в отношении стиля жизни. Индивидуальный успех или неудача человека воспринимаются в терминах предпринимательских способностей (размер человеческого капитала) и не связываются с недостатками социальной системы (классовые ограничения, неравноправный доступ к ресурсам и т.д.).

Глобализация, ориентированная на экономическую эффективность капиталистического рынка, вступает в противоречие с демократическими принципами, порождая разрыв между демократией и корпоративным

капитализмом, обнаруживая пределы функционирования демократической системы, которая лишается политического смысла. Несмотря на расширение форм демократического участия (референдумы, онлайн-голосования), обсуждаемые с населением вопросы имеют локальный характер и ограничиваются благоустройством территорий (строительство детских площадок, парков, скверов, садов), созданием общественных пространств (библиотеки, центры досуга, прогулочные зоны, набережные) и т.д.

Процессы глобализации оказывают влияние на направление современных социально-философских исследований политики. С одной стороны, появляются утверждения о «конце политики» и наступлении посполитического мира, которые выражены в концепциях постполитики (С. Жижек) и субполитики (У. Бек). С другой стороны, политика перестает отождествляться с государством как сферой управления и администрирования (А. Бадью, С. Лазарюс, Ж. Рансьер), что формирует представление о локальной политике улиц с собственными политическими субъектами (Дж. Батлер). В условиях глобализации заново ставится вопрос о том, что «есть политическое?», который открывает новые горизонты для исследования и позволяет понять происходящие изменения. В то же время отсутствие единого понятийного аппарата, когда исследователи, принадлежащие к разным социально-философским направлениям, используют, различающиеся между собой термины для описания одних и тех же явлений, затрудняет понимание смысла «политического». Философско-герменевтический подход создает возможность для диалога между такими различными философскими направлениями и подходами, как постмодернизм, постструктурализм, постмарксизм, социальный конструктивизм и т.д. Таким образом, анализ влияния глобализационных процессов позволяет констатировать, что в настоящее время тема концептуализации «политического» сохраняет свою актуальность. Объединение различных подходов позволяет разработать новую концептуальную модель «политического», отражающую сложные социальные и политические процессы в эпоху глобализации.

Степень изученности и разработанности проблемы. В социальной философии сложилась устойчивая традиция исследования политики и политического, основу которой заложили труды Платона и Аристотеля, лежащие в истоке политического как реальности города-государства (*πόλις*), и послужившие началом исследования государственного управления (*πολίτευμα*), форм правления (*πολίτεια*), идеального правителя, гражданина (*πολίτης*) и.д. В древнегреческой философии именно этими понятиями определяется сфера государственных и политических дел, которая называлась *τὰ πολιτικά*. Полномочия государственной власти в лице князя, монарха, суверена, а также отношение государства и гражданского общества (концепции естественного права и общественного договора) в дальнейшем раскрывается в работах Фомы Аквинского, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и т.д. В работах представителей немецкой классической философии И. Канта, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля не только развиваются представления о государстве и обществе, но и формулируются идеалы развития человеческого разума по пути всемирно-гражданского состояния и идеальной формы государственного устройства.

Влияние философских идей на политическую практику нашло отражение в формировании политических идеологий марксизма, либерализма, консерватизма. Идеалы коммунизма, историческая роль рабочего класса и пролетарской революции, сформулированные К. Марксом и Ф. Энгельсом, в дальнейшем развивались в работах представителей неомарксистской философии Л. Альтюссера, А. Грамши, Д. Лукача и др. В русской философии идеи марксизма получили свое развитие в работах А. А. Богданова, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и др. Либерализм как философская идея свободы выбора и справедливого общества представлена в трудах И. Берлина, Д. Дьюи, Б. Кроче, Дж. С. Милля, Дж. Ролза и др. В русской философской мысли эволюция идеи либерализма присутствует в трудах Н. А. Бердяева, К. Д. Кавелина, П. И. Новгородцева, Ф. А. Степуна, Г. П. Федотова и др., в которых соединялись идеи социальной справедливости с теорией правового государства, народного суверенитета и прав личности. Консервативные идеи нашли свое отражение в трудах философов Э. Бёрка, Ж. де Местра, М. Оукшота, А. де Токвиля и др., обосновывающих авторитет социальной, религиозной, нравственной традиций (коллективные верования, нравы, обычаи) и заложивших основы консервативной программы развития государства и общества без разрушения традиционных устоев. В русской философской мысли идеи консерватизма раскрываются в трудах Н. Я. Данилевского, И. А. Ильина, К. Н. Леонтьева, С. Л. Франка, А. С. Хомякова и др.

В настоящее время необходимость социально-философской интерпретации политической реальности обусловлена процессами глобализации мира. Анализ воздействия глобализации на политику, государство и общество представлен в работах по социальной философии, социологии и политологии – З. Бауман, У. Бек, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Н. Кляйн, А. Негри, Дж. Перратон, Р. Робертсон, М. Хардт, Д. Хелд и др. Среди отечественных исследований необходимо отметить работы А. С. Панарина, Н. Н. Колпакова, В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой и др. В социальной философии «конец идеологий» и формирование нового мирового порядка рассматривается в аспекте «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон). Кризис идеологий и дальнейшая трансформация марксизма, либерализма и консерватизма раскрывается в трудах И. Валлерстайна, Дж. Грея, Ф. Фукуямы, Дж. Шварцмантеля и др. В отечественной социальной философии теме идеологической трансформации мира посвящены работы К. С. Гаджиева, О. Ю. Малиновой и др. Кризис идеологий приводит к структурным изменениям всей идеологической системы. Во-первых, мир «после марксизма» рассматривается в аспекте окончательной победы либерализма, когда на смену идеологического противостояния приходит экономический расчет (Ф. Фукуяма). Во-вторых, «конец марксизма» трактуется как упадок либеральной идеологии, которая утрачивает способность играть свою историческую роль (И. Валлерстайн). В-третьих, в условиях кризиса идеологий консерватизм максимально сближается с классическим либерализмом, что приводит к упадку идеи нации-государства и созданию единого мирового рынка (Дж. Грей).

Приоритет экономики над политикой порождает новую идеологию – неолиберализм, наиболее полно обоснованную в работах философов К. Поппера,

Ф. Хайека и экономиста М. Фридмана, выступающих как в защиту либеральных идеалов индивидуальной свободы перед лицом марксистской и социалистической экспансии, так и против распространения кейнсианства в экономической теории. Неолиберализм как идеология экономической глобализации базируется на идеях свободного рынка, минимизации роли государства в экономике, индивидуальной ответственности человека за свои действия. Теоретики неолиберализма акцентируют внимание на важности рыночных механизмов для достижения личной свободы и социальной справедливости. В рамках неолиберализма на смену «человеку политическому» эпохи классического либерализма приходит «человек экономический» в виде агента рыночных отношений, стремящегося к максимизации индивидуальной полезности (Р. И. Капелюшников, В. С. Мартьянов). Неолиберализм способствует появлению новой экономической субъектности «бухгалтерского» типа – П. Дардо, К. Лаваль, О. Ф. Русакова, А. А. Хмелинин. Сторонники экономической глобализации и теории М. Фридмана считают неолиберализм пустым термином, который используется левыми интеллектуалами для обозначения абсолютного социального зла (Р. И. Капелюшников). Критики экономической глобализации рассматривают идеологию неолиберализма как рыночную догму тоталитарного типа, разрушающую политические, экономические, культурные основы государства и трансформирующую структуру общества – А. В. Бузгалин, А. Н. Ильин, О. Ф. Русакова, Б. В. Салихов, А. А. Хмелинин, В. И. Челищев и др. В зарубежной философии критике неолиберализма посвящены работы С. Жижека, Н. Кляйн, Д. Харви, Н. Хомского и др.

Социально-политический и философский анализ воздействия глобализации на демократические институты и систему демократического представительства присутствует в трудах отечественных – В. С. Мартьянов, А. Н. Пилипенко, В. Н. Руденко, Л. Г. Фишмана и др. и зарубежных исследователей – В. Браун, К. Крауч, Ш. Муфф, П. Майр и др. Здесь основной становится проблема адаптации институтов демократии к условиям глобального капитализма и власти транснациональных корпораций. На глобальном уровне функцию политического субъекта выполняют либо глобальное гражданское общество, которое по своему характеру является трансцендентальным субъектом (У. Бек), либо неопределенное множество, которое представляется в качестве коллективного субъекта, противостоящего власти Империи (М. Хардт, А. Негри).

Глобализация формирует неолиберальный тип государства, в котором система государственного управления начинает анализироваться на основе концепций правительности М. Фуко, опирающегося в своих исследованиях на идеи Н. Макиавелли и Т. Гоббса. Современная система государственного администрирования или менеджмента, а также развитие идеи правительности М. Фуко, ее взаимосвязь с такими ключевыми понятиями, как «суверенность» и «биополитика» отражены в работах М. Дина, Ж. Донзло, Дж. Кларка и др. В работах М. Фуко по биополитике раскрыты, с одной стороны, механизмы включения биологических/природных начал жизни (zoe) в политику, с другой, последствия исчезновения различий между биологическим и политическим уровнями социальной жизни. Анализ концепции биополитики М. Фуко

представлен в современных зарубежных исследованиях Дж. Агамбена, Т. Кэмпбелла, М. Келли, Ф. Лизетти, А. Негри, М. Хардта, Р. Эспозито и др., в которых предельно радикализируются последствия биополитического управления обществом. В отечественной философии стратегии биополитики и ее влияние на власть, право, экономику, этику и технологии управления раскрываются в трудах Т. Л. Барандовой, Ю. Г. Барбарука, Ф. Б. Загыртдиновой, И. И. Кобылина, В. Д. Попова, М. В. Толстановой, А. В. Яркиева и др. Политический потенциал биологии и биологический потенциал политики рассматривается К. Ю. Аласания, А. В. Олескиным и др.

В системе государственного менеджмента, функционирующего по принципу «управления без политики», приоритетное положение занимает экспертное администрирование. Анализ экспертократии как новой формы власти представлен в работах А. Ю. Ашкерова, Е. В. Брызгалиной, Н. В. Буковской, А. В. Еленского, В. Н. Киселёва, А. Ф. Филиппова, С. Ю. Шевченко и др. Общий процесс политизации экспертного сообщества и особенности позиции эксперта в структурах современной власти раскрываются в работах А. В. Загорского, М. Е. Карягина, Н. А. Косолапова, В. С. Малахова, Э. Рича, А. Ю. Сунгурова, К. Уивера и др. В условиях глобализации политической технологией власти становится «чрезвычайное положение», основные проблемы установления которого изложены К. Шмиттом. В современной социальной философии учение о «чрезвычайном положении» раскрывается в трудах представителей как зарубежной философии – Дж. Агамбен, А. Бенуа, Ф. Лизетти, Б. Тешке и т.д., так и отечественной – Т. А. Алексеева, И. И. Мюрберг, А. Ф. Филиппов и др.

Современные процессы глобализации оказывают влияние на направление современных исследований политики, которая перестает отождествляться с государством как сферой управления и администрирования, не имеющей никакого политического смысла (А. Бадью, С. Лазарюс). С одной стороны, политика начинает рассматриваться как реальность, находящаяся за пределами государства, которая не имеет никакого начала (*ἀρχή*) и представляет собой случайное и локальное событие, возникающее когда угодно и где угодно¹. Такая политика по своей сути является деструктивной политикой улиц, формирующей собственных политических субъектов (Дж. Батлер). С другой стороны, исследователи отмечают смысловую трансформацию понятия «политика», ее превращение в постполитику (С. Жижек), где она максимально сближается с полицией. В результате полиция приобретает позитивный смысл и начинает рассматриваться как особый режим символизации общества – «полисия» (Ж. Рансьер). Политика наделяется негативным смыслом деятельности, нарушающей спокойствие населения и безопасность государства. Анализ неолиберального государства как полицейского представлен в работах О. О. Васильева, О. В. Кильдюшева, В. П. Макаренко, А. Ф. Филиппова, А. Д. Эпштейна и др. В зарубежной социальной философии необходимо отметить труды С. Жижека, Ж. Рансьера, М. Фуко и др.

Поворот исследователей в сторону концепции эстетической политики представлен работами Ф. Анкерсмита. Эстетическая политика, построенная на основе принципов, заимствованных из искусства, является ответом на этическую

¹ Рансьер Ж. На краю политического / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Параксис, 2006. С. 100.

концепцию Дж. Ролза, отдаленную от практики политики. Политическая реальность в эстетическом режиме рассматривается в работах Ф. Лаку-Лабарта, Ж. Рансьера и др. Если Ж. Рансьер политику с эстетикой соединяет через чувственные формы восприятия политического действия, то Ф. Лаку-Лабарт, задаваясь вопросом «что общего имеет политика с искусством?»², эту связь обнаруживает в поэтическом языке. В отечественной философии данный аспект отражен в работах К. В. Головки, И. А. Дмитриевой, Е. А. Ирдиненко, М. А. Кукарцевой и др.

Пересмотр предметной области политики и отделение ее от сферы политического раскрывается в работах Ж. Бра, М. Гоше, Ш. Муфф и др. В современной социальной философии существование разрыва между объективной действительностью политики и политической реальностью как сферой теоретических представлений наиболее полно отражается в трудах по социальному конструктивизму П. Бурдьё, Р. Ленуара, П. Шампаня и др. В отечественной социальной философии политическая реальность в аспекте конструирования рассматривается в работах А. Т. Бикбова, Ю. Л. Качанова, Н. А. Шматко и др. Историко-философский ракурс проблемы политического раскрывается в работах по политической мысли XX в. Т. А. Алексеевой, И. А. Ерохова, И. К. Пантина, М. М. Федоровой и др. Современная трактовка концепта политического представлена в работах О. А. Алексеева, Б. В. Маркова, В. А. Подороги, А. М. Пятигорского, А. Л. Стризое и др. Среди зарубежных исследований данной проблематике посвящены работы М. Джея, С. Жижека, К. Лефора, К. Шмитта и др. Отдельно следует выделить работы представителей эссекской школы дискурс-анализа Ш. Муфф и Э. Лаклау, которые рассматривают политическое как дискурсивное пространство власти, конфликтов и антагонизмов. Обращение к работам Ш. Муфф и Э. Лаклау обусловлено тем, что авторы опираются в своих исследованиях не только на концепции гегемонии А. Грамши, господствующего означающего Ж. Лакана, идеологических государственных аппаратов Л. Альтюссера, но и используют идеи М. Хайдеггера, что позволяет им проводить различие между онтическим уровнем действительности политики и онтологическим уровнем реальности политического. Основные положения современного кризиса политической онтологии отражены в работах отечественных – А. С. Макарычев, А. А. Шевченко и зарубежных исследователей – А. Бадью, С. Жижек, Ж. Рансьер и др. Основной причиной кризиса является элиминация субъекта из центра политической онтологии.

Использование философско-герменевтического подхода как основы данного исследования позволяет обратиться к работам М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, Х. Арндт, П. Рикера. Среди отечественных исследователей необходимо выделить работы, в которых раскрывается специфика герменевтики как метода гуманитарного знания и философского направления, особенность герменевтического круга (предпонимание, понимание, интерпретация), а также

² Лаку-Лабарт Ф. Поэтика и политика / пер. с фр. Н. А. Шматко // Socio-Logos'98. Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетей, 1999. С. 8.

диалогичность герменевтического мышления и его языковой характер. Это работы В. С. Библера (концепция мышления как диалога), В. В. Библихина (концепция тождества бытия и языка), О. Н. Бушмакиной и А. А. Шадрина (концепция тождества бытия, мышления и языка), В. Г. Кузнецова (герменевтическая методология), Е. Н. Шульги (концепция предпонимания) и др. Отличие философской герменевтики М. Хайдеггера от грамматической, психологической, исторической герменевтики анализируется в работах В. Анца, П. П. Гайденко, О. Пеггелера, Фр. Роди, Э. Тисельтона, Е. В. Фалёва и т.д. Философия М. Хайдеггера как онтологическая герменевтика, совершающая «поворот» к вопросу о бытии, раскрывается в трудах П. П. Гайденко, А. Г. Дугина, Ж.-Л. Нанси и др.

Следует отметить ряд работ, в которых герменевтический подход используется в исследовании политической реальности. Это, прежде всего, работы И. В. Василенко, где раскрывается процесс интерпретации политической традиции в диалоге цивилизаций; А. В. Глинского, в которых феноменолого-герменевтический подход используется для интерпретации идеи тоталитаризма Х. Арндт; М. М. Федоровой, рассматривающей возможности философской герменевтики Г.-Г. Гадамера при трактовке политических идеологий; А. В. Яркоева, анализирующего политические основания социального зла в современном мире; Н. Б. Поляковой, исследующей дискурс власти в структурах социальной субъективности в герменевтическом аспекте; С. В. Соловьевой, обосновывающей перспективы использования экзистенциально-герменевтической методологии к анализу политики/политического. Основные положения и категориальный аппарат хайдеггеровской философии использованы Х. Арндт в ее концепции политического мышления и действия, а также при анализе таких пограничных феноменов политического мира, как тоталитаризм, революция и насилие. В современной социальной философии присутствует корпус исследований, в которых концепция мышления М. Хайдеггера переносится на анализ античного полиса – Б. Кассен, политической онтологии – П. Бурдые, Дж. Уэйт, Г. Фрид и др. Таким образом, степень разработанности показывает перспективность социально-философского исследования политической реальности в эпоху глобализации в ракурсе философско-герменевтического подхода, позволяющего выявить новые смыслы концепта «политическое».

Объектом исследования является политическая реальность в эпоху глобализации. **Предметом** исследования выступают социально-философские способы концептуализации «политического», инициирующие процессы трансформации традиционных представлений о политике.

Цели и задачи диссертационного исследования.

Цель исследования заключается в систематизации концептуальных основ и построении теоретической модели «политического», вызванных глобализационными изменениями в социальной жизни. Для реализации поставленной цели предлагается решить следующие **задачи**:

– выявить специфику формирования современных концепций политики и провести их содержательный анализ;

- определить особенность метаполитического «поворота» к субъективным началам политики;
- обосновать «исключение» в качестве принципа построения концепта «политическое» как теоретической модели эпохи глобализации;
- выделить способы определения концепта «политическое» в границах экономической реальности;
- установить способы определения концепта «политическое» в структурах правовой реальности;
- выделить особенности трансформации системы демократического представительства в условиях глобализации;
- выделить современные формы репрезентации «исключенных» индивидов;
- выявить специфику современного политического субъекта как фигуры сопротивления глобальному капиталу;
- определить субъективные начала политической жизни общества;
- предъявить варианты интерпретации политической жизни в структурах мышления и существования.

Теоретико-методологические основания и источники исследования. Общей методологической основой исследования является философско-герменевтический подход, разработанный М. Хайдеггером и Г.-Г. Гадамером. Применение философской герменевтики для социально-философского исследования «политического» объясняется тем, что данная методология позволяет объединить как современные работы философов, социологов, политологов, экономистов, так и работы философов, работающих в разных направлениях (постмодернизм, постструктурализм, социальный конструктивизм и постмарксизм) в единый круг интерпретации. В герменевтическом круге понимания любой концепт является не конечной точкой, обозначающей эвристический предел исследования, а начальной точкой, инициирующей процесс дальнейшего рассуждения. Разработка концептуальной схемы исследования была бы невозможна без обращения к работам, обосновывающим понятие «предел», которое трактуется, во-первых, как «предел познания», показывающий невозможность дальнейшего исследования предметной области, во-вторых, понимается как точка «поворота», тождественная философской рефлексии (Е. Н. Струк). В связи с этим особую актуальность приобретают метафора «поворота» (В. В. Савчук) и концепт «воз-вращения истоков» А. Бадью, раскрывающие суть понимания как рефлексивного процесса, возникающего в ситуации предела, заданного представлениями о конце: «конце политики», «конце истории», «конце человека» и т.д. В данном аспекте важным является положение М. Хайдеггера о различии истока (Beginn), заданного древнегреческой философией, и начала (Anfang), открывающего сферу того, что в настоящем должно-быть-помыслено. Философская герменевтика, работающая на понятийном уровне, позволяет проследить изменение смысла таких устоявшихся категорий, как «политическое», «политика», «политическая жизнь», «манифестация», «демократия», «народ», «пролетариат», и ввести в понятийный круг интерпретаций новые понятия – «политическое-как-исключенная реальность», «демократия неполитического типа», «трудовой активизм» и т.д.

Философско-герменевтический метод позволяет процесс становления политического субъекта рассматривать как процесс мышления и понимания. Обращение к политическому субъекту обусловлено тем, что в современной социальной философии он не имеет четких идентификаций, под ним понимается политический активист и интеллектуал-активист (А. Бадью, С. Лазарюс), Борец (М. Хардт, А. Негри), манифестант (Ж. Рансьер, Дж. Батлер), критик-интеллектуал (М. Уолцер). Концепция политического субъекта рассматривается через соотношение мышления и существования, которое в философии представлено тезисом Р. Декарта «я мыслю, следовательно, существую» (*ego cogito, ergo sum*)³. Интерес представляют исследования М. Хайдеггера, в которых декартовский тезис рассматривается в аспекте тождества мышления и существования: «*cogito sum*»⁴, а также современные интерпретации декартовского тезиса у М. Уолцера – «я выражаю недовольство, следовательно, я существую»⁵, Ж. Рансьера – «мы есмь, мы существуем» (*nos sumus, nos existimus*)⁶, П. Слотердайк – «я разоблачаю обманы, я обманываюсь сам, следовательно, сохраняю свое существование»⁷, П. Бурдьё – «Я существую, следовательно, группа существует»⁸, Р. Барта – «Я вижу, я чувствую, следовательно, я замечаю, рассматриваю и мыслю»⁹, К. Шмитта, трактующего «*cogito ergo sum*» в аспекте государства «*protego ergo obligo*» (защищаю – следовательно, обязываю)¹⁰. В связи с этим особое значение имеют концепции мышления, среди которых необходимо выделить: мышление как созерцательная активность и процесс рассудительности Аристотеля; мышление как процесс рационального сомнения Р. Декарта, мышление как поток интеллектуальной интуиции Ф. В. Шеллинга, мышление как представление М. Хайдеггера. Необходимо отметить работу В. А. Лекторского, в которой раскрывается суть мышления как субъективной деятельности.

Научная новизна основных результатов исследования состоит в построении теоретической модели «политического» на основе принципа «исключения». Впервые в отечественной философии политическое-как-исключенная реальность исследована с позиции философско-герменевтического подхода. Показано, что принцип «исключения» политического реализуется в структурах экономической, правовой реальностей и системы демократического представительства. В ходе исследования удалось установить, что трансформация

³ Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Избранные произведения / пер. с фр. и лат.; ред. и вст. ст. В. В. Соколова. М.: Политиздат, 1950. С. 257-318.

⁴ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост., перев. вст. ст., коммент. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 63-176.

⁵ Уолцер М. Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века / пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 21.

⁶ Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия / пер. с фр. и прим. В. Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2013. С. 63.

⁷ Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева; испр. изд-е. Екатеринбург: У-Фактория, Москва: АСТ Москва, 2009. С. 497.

⁸ Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 243.

⁹ Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2011. С. 46.

¹⁰ Шмитт К. Понятие политического // Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. С. 329.

системы демократического представительства в систему неполитического типа превращает политическую манифестацию в форму представления «исключенных» индивидов. Предложена новая интерпретация политической жизни гражданина, выражающаяся в мышлении существованием.

Выделяются следующие положения, содержащие **новизну исследования**:

- предложена новая интерпретация современных концепций политики на основе анализа префиксального способа словообразования (архиполитика, парapolитика, ультраполитика, биополитика, трансполитика) и выявлены эвристические пределы их функционирования, которые задаются концептами археполютики, *zoé políticos* и политики трансa;

- обосновано, что метаполитический «поворот» к политике как мысли в форме активистской практики интеллектуалов завершает префиксальный способ концептуализации политики;

- определен концепт «политическое» на основе принципа «исключения», который в условиях глобализации проявляется в границах экономической, правовой реальностей, системы демократического представительства как «исключенная», «исключительная» реальность, а также реальность «исключенных» индивидов;

- установлено, что в границах экономической реальности «политическое» существует как «исключенная» реальность, которая утратила свою актуальность на всех уровнях жизни (глобализованные элиты/локальное население);

- выявлено, что в правовой реальности «политическое» определяется в ситуации «чрезвычайного положения» как «исключительная» реальность, которая интерпретируется как абсолютная реальность суверена и объективированная реальность «голой жизни» *homo sacer*;

- показано, что на основе принципа «исключения» политическая система демократического представительства трансформируется в демократию неполитического типа;

- выявлено, что при демократии неполитического типа демонстративной и перформативной формой самопредставления «исключенных» индивидов является политическая манифестация;

- разработано концептуальное обоснование символической фигуры Борца, олицетворяющей переход от политической борьбы против капитала и капиталистической эксплуатации к борьбе за право на жизнь (политика трудового активизма), которая приобретает политический смысл;

- обосновано теоретическое положение о мышлении как самоосновном начале политической жизни граждан, которое возникает в кризисные периоды на пределе реализации житейской политики индивидов, представленной фигурами *homo sacer* и инфантильного потребителя;

- предложены способы интерпретации политической жизни как существования мышлением и мышление существованием, представленные жизнью интеллектуала-критика, анти-политичной жизнью киника и гражданина как понимающего субъекта.

Положения, выносимые на защиту:

1. Процессы экономической глобализации оказывают влияние на направление современных социально-философских исследований политики. Концепции постполитики, сформированные в рамках постмодернистской, постструктуралистской, постмарксистской философии путем префиксации, содержат эвристические пределы социально-философских исследований политики. Эвристическим пределом архиполитики (экспертное управление), парapolитики (полутеневые и теневые действия власти), ультраполитики (политика чрезвычайного положения) выступает концепция археополитики, возвращающая к архаическому наследию прошлого в виде реалистических утопий апокалиптического будущего. Биополитика как концепция управления социальной жизнью трансформируется в политику смерти (некрополитика, танатополитика). Предельным смыслом биополитики является *zoé políticos* (политика в мире животных). Концепция трансполитики, связанная с процессом медиатизации политики, трансформируется на пределе в политику трансa.

2. Гносеологический, методологический и онтологический кризисы философско-политического знания инициируют появление метаполитического поворота к субъективным началам политики. В рамках концепции метаполитики субъективное начало политики как мысли задается представлениями об активисте-интеллектуале как политическом субъекте, который абсолютизируется (С. Лазарюс) и идеализируется (А. Бадью).

3. В условиях глобализации доминирующее положение занимает экономика, формирующая индивида-потребителя, и право, устанавливающее приоритет прав человека над правами гражданина. Тенденция на деполитизацию жизни общества превращает «исключение» в основополагающий принцип, определяющий современную специфику концепта «политическое», который заменяет принцип «включения», ограничивающий конституирование «политического» кругом участников политического процесса, вовлеченных в борьбу как за политическую власть (политические партии, политические движения, организации), так и против власти. На основе данного принципа «политическое» определяется на границе экономической, правовой реальностей и системы демократического представительства как «исключенная», «исключительная» и реальность «исключенных» индивидов.

4. Современный процесс глобализации заново ставит вопрос о специфике концепта «политическое» в структурах экономической реальности в связи с распространением власти капитала на все уровни жизненного пространства, дифференцирующего индивидов по принципу рациональности поведения и экономической эффективности их жизни. Система глобальной экономики формирует представление о политическом-как-исключенной реальности. Верхний уровень социальной иерархии, представленный глобализованными / транснациональными элитами, олицетворяет собой высшую степень концентрации капитала, где индивид представляет собой рационально устроенную машину по производству капитала, задающего движение по пути его самовозвышения к сфере сверхчеловеческого. «Исключение» политического и полная деполитизация жизни становится для транснациональных элит гарантом неизменности существующего

социального порядка. Нижний уровень социальной иерархии представлен чистой жизнью локального / пролетаризированного населения, обладающего минимальным объемом капитала. На нижнем уровне жизни политическое еще не актуально, то есть «исключается» из жизни индивидов, сосредоточенных на борьбе за выживание.

5. Режим «чрезвычайного положения» становится современной технологией управления, задающей представление о политическом-как-исключительной реальности. «Исключительное» положение «политического» обусловлено спецификой «чрезвычайного положения», устанавливающего на правовой границе состояние всевластия без закона, а на границе исчерпанности правовой компетенции ситуацию правового бесправия. На правовой границе «политическое» имеет временный характер и представляется как абсолютная реальность суверена (К. Шмитт), которая достигает предела в ситуации «божественного насилия» (В. Беньямин). На границе исчерпанности правовой компетенции «политическое» объективируется в «голой жизни» *homo sacer* (Дж. Агамбен). В правовой реальности «божественное насилие» и «голая жизнь» являются понятиями, обозначающими предел рассуждений о политическом-как-исключительной реальности.

6. В условиях глобализации формируется демократия неполитического типа, появление которой обусловлено «исключением» политического. Возникает ситуация радикального неравенства возможностей, которые имеют транснациональные элиты и локальное население. Эффект неравенства присутствует в двух режимах: «нехватки» и «избытка» демократии. «Нехватка» демократии определяет стратегии транснациональных элит по приспособлению демократии к условиям глобального экономического порядка путем внедрения проектов симуляции участия народа в системе демократического представительства. «Избыток» демократии выражается в установлении «демократии без демоса», гарантирующей неизменность существующего социального порядка. «Неолиберальный тип демократии» становится понятием, показывающим радикальный кризис системы демократического представительства, который выражается такими фигурами, как представляемый и писец Бартлби.

7. Политическая манифестация является субъективным пространством демонстрации нового политического имени «исключенных» индивидов. Такими именами-концептами являются субъект-изгнанник и субъект-лишенец. Становление субъекта-изгнанника базируется на процессе деидентификации, лишаящем индивида его самости, гражданства и государства, но позволяющем ему занимать промежуточное положение и говорить от лица любого социального сообщества. «Изгнание» выступает пограничным состоянием, которое относится, с одной стороны, к мигрантам, проживающим в стране, но лишенным своей доли (у)частия в делах общества, с другой стороны, к внутренней миграции индивидов, добровольно превращающих себя в изгнанников. Субъект-лишенец является множественным политическим субъектом, который определяется на дополитическом уровне частной жизни в момент принятия индивидом решения участвовать в политической манифестации. Становление субъекта-лишенца

обусловлено пограничными жизненными ситуациями (нужда, нищета, бездомность, страх смерти).

8. В эпоху глобального капитала Борец символизирует «поворот» от политической борьбы против капитала, капиталистов и капиталистической эксплуатации, к борьбе за жизнь. Фигура Борца показывает невозможность возвращения к традиционным формам революционного действия (Коммунист), а также бессмысленность и бесполезность какой-либо политической борьбы (Революционер) в условиях глобального капитализма. Успешность борьбы за жизнь зависит от рассудительности множества людей, чье здравомыслие помогает им понять, что единственным политическим действием является восстановление жизни.

9. В эпоху глобализации житейская политика индивидов персонализируется жизнями *homo sacer* и инфантильного потребителя. Пределом представлений житейской политики становится страх, лишаящий человека основы существования. Достижение предела показывает, что человеку, лишенному основания, больше не на что и не на кого опереться, кроме себя самого не только как существующей, но и мыслящей личности. Модель политической жизни выстраивается на основе мышления как «формы-жизни». Существование, тождественное мышлению, формирует образ политической жизни «человека сопротивляющегося», мыслящего в каждый момент своего существования и тем самым преодолевающего инертность жизни. Политическое мышление является самоосновной реальностью или «мышлением без опоры» (Х. Арндт), согласующем слова и действия.

10. Политическая жизнь в структурах мышления и существования представляется на основе модели мышление существованием (я существую, мысля). Мышление выступает условием перехода от индивида-потребителя к личности, а затем к социально ответственному гражданину. Такой переход осуществляется как рефлексивное движение мышления, совершающего революцию в сознании. В процессе первого «поворота» человек «уходит» от себя как индивида-потребителя. Второй «поворот» связан с «возвратом» индивида к самому себе как социально ответственному гражданину, понимающему, что основой существования «мы» составляет наше «я», и осознающему меру своей ответственности перед согражданами. В политической жизни социальное сообщество согласия формируется на пересечении субъективных позиций граждан.

Теоретическая и практическая значимость полученных результатов определяется актуальностью темы исследования и новизной полученных результатов. Теоретическая значимость работы состоит в построении концепта «политическое» на основе принципа «исключения», что способствует глубокому и адекватному пониманию основ существования «политического» в границах экономической, правовой реальностей и системе демократического представительства, а также расширению научно-методологических горизонтов социально-философских исследований экономической глобализации и неолиберализма.

Данная работа углубляет концептуальное содержание политической реальности теориями политического-как-исключенной реальности, демократии

неолиберального типа, политической жизни граждан. В концептуализации «политического» применение философской герменевтики позволяет сформировать методологическую основу для дальнейших исследований современных обществ в категориях «единства», «согласия» и «совместности», имеющих социально-политический смысл. В диссертационном исследовании вводится ряд понятий («человек сопротивляющийся», «трудовой активизм», «мышление существованием»), которые расширяют представления о политических формах сопротивления экономической глобализации.

Диссертационное исследование может послужить общим методологическим основанием для осуществления научными сообществами политологов, экономистов, правоведов, политиков социально-философской экспертизы относительно технологий принятия политических решений, оказывающих влияние на повседневную жизнь граждан.

Результаты исследования могут быть практически использованы политическими партиями и общественными движениями при разработке программ повышения гражданской активности населения, органами государственной власти, которые занимаются профилактикой конфликтного и деструктивного поведения, свойственного современной политике улиц. Выводы диссертации могут применяться и в сфере образования при разработке лекционных курсов для бакалавров, магистров и аспирантов по социальной философии, философии политики, теоретической политологии и социологии политики.

Степень достоверности и апробация диссертационного исследования. Основные результаты социально-философского исследования представлены в 59 научных публикациях, общим объемом 69,06 печатных листов: 2 монографии, 57 научных статей, из которых 24 в научных изданиях, входящих в Перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования обсуждались на расширенном заседании кафедры философии и гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного университета, на теоретическом семинаре «Социальная онтология в конструктивно-герменевтическом аспекте» (НШ5272.2012.6 – научный руководитель д.ф.н., проф. О. Н. Бушмакина) в Удмуртском государственном университете. Положения диссертационного исследования использовались при реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FEWS-2024-0005 «Исследование и разработка методологических и теоретических подходов по формированию патриотизма и профилактике конфликтного и деструктивного поведения молодежи в условиях современного кризиса в России» (2024-2025).

Промежуточные результаты исследования были представлены на международных, всероссийских и региональных конференциях: Второй всероссийской научной конференции с международным участием «Биополитические технологии власти: теория, идеология, институциональные практики» (Великий Новгород, НовГУ, 2025), Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция» (Ижевск,

УдГУ, 2022); II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек в условиях неопределенности» (Самара, СамГТУ, 2021); II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 90-летию Удмуртского государственного университета (Ижевск, УдГУ, 2021); Міжнародної наукової Інтернет-конференції «Гуманітарна складова вищої освіти: досвід і проблеми», р., кафедра гуманітарних дисциплін НУХТ (Київ, Україна, 2018); II Всероссийской научно-практической конференции «Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы» (Иркутск, ИГУ, 2016), научно-практической конференции с международным участием «Социально-философские проблемы современности» (Уфа, БашГУ, 2016), Всероссийской научной конференции «Бренное и вечное: имперский синдром: идеология, мифология и социально-культурная практика» (Великий Новгород, НовГУ, 2014), Международной научной конференции «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 2014), XIX Международных Кирилло-Методиевских чтениях «Жизнь человека – дар Божий. Биоэтические проблемы современности в свете христианского вероучения» (Республика Беларусь, Минск, 2013), Международной конференции, посвященной 45-летию Казанского государственного энергетического университета «Навстречу XXIII Всемирному философскому конгрессу: философия как исследование и образ жизни» (Казань, КГЭУ, 2013), Международной научно-практической конференции «Теоретико-методологические аспекты социально-экономического и политического развития стран Центральной Азии и СНГ» (Казахстан. Алматы, КазАТиСО, 2013), Всероссийской научной конференции «Бренное и вечное: социокультурная драма истории между мифом и политикой» (Великий Новгород, НовГУ, 2012), I, II, III, IV, V, VII международной научно-практической конференции «Социальная онтология в структурах теоретического знания» (Ижевск, УдГУ, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2015).

Различные аспекты темы исследования использовались в процессе подготовки и чтения авторских учебных курсов «Философия политики» (УдГУ, 2006-2009), «Коммуникативные технологии конструирования политической мифологии» (УдГУ, 2005-2009), отдельные положения диссертации используются в процессе чтения курса «Философия» (2001-по настоящее время).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, включающих 14 параграфов, заключения и списка литературы. Общий объем текста диссертации составляет 378 страниц. Список использованных источников включает 481 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, дается представление о степени разработанности проблемы, формулируются предмет, объект, цели и задачи исследования, определяются теоретико-методологические основания исследования, выдвигаются положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «Специфика формирования концепций политики в эпоху глобализации» проведен философско-герменевтический анализ формирования современных концепций политики (архиполитика, парapolитика, ультраполитика, биополитика, трансполитика) и выявлены эвристические пределы их функционирования в поле социально-философской дискурсивности, которые задаются концепциями археполютики, *zoé políticos* и политики трансa.

В первом параграфе первой главы «Смысловые трансформации политики в концепциях архиполитики, парapolитики и ультраполитики» на основе анализа концепций архиполитики, парapolитики (Ж. Рансьер), ультраполитики (С. Жижек) выявлена трансформация смысла политики. Концепция архиполитики демонстрирует создание новой системы политического менеджмента на основе принципа «управления без политики». Здесь первоначально выступает экспертное знание (архи-), формирующее новую форму власти – экспертократию (А. Ю. Ашкеров). Архиполитика показывает, что стремление экспертов придать управленческим решениям объективный характер оборачивается своей противоположностью, то есть предельным субъективизмом и появлением псевдоэкспертных заключений ученых. Концепция парapolитики показывает процессы, происходящие внутри власти, представленной управленческим аппаратом. Публичные действия власти представляют собой только внешнюю сторону, за которой разворачивается невидимая обществу непубличная деятельность, имеющая полутеневую и теневую характер. Существование полутеневой и теневой сфер управления становится причиной возникновения неуправляемых и неконтролируемых самой властью ситуаций. Концепция ультраполитики позволяет рассмотреть функционирование власти в ситуации «чрезвычайного положения». В современном мире ультраполитика непосредственно связана с существованием «сверх-» (ультра-) державы, на статус которой претендуют Соединенные Штаты, наделяющие себя правами суверена как высшей инстанции власти, действующей на международном уровне (А. Бенуа). Смысл политики заключается в вооруженной борьбе с врагами, которые выбираются ситуативно, в зависимости от геополитических интересов сверхдержавы в конкретный момент времени. В ситуации предела концепция архиполитики изменяет свой смысл и прочитывается как археполютика, в рамках которой выстраивается утопическая перспектива, задающая видение будущего на основе сценариев прошлого. «Новое средневековье» (У. Эко) выступает некой абстрактной моделью, которая начинает интерполироваться на будущее, а настоящее превращается в лабораторию по производству апокалиптических сценариев, в которых постоянно присутствуют повторяющиеся темы атомной

войны, экологической катастрофы, дефицита власти, социального хаоса и т.д. В политике, ориентированной на апокалиптические сценарии, потенциальностью может обладать только сама жизнь как природный/биологический процесс воспроизводства человеческого рода, управление которым составляет суть концепции биополитики.

Во втором параграфе первой главы «Концептуальные пределы биополитики» представляется эволюция смысла концепции биополитики, упраздняющей различие между βίος и зое, что формирует представление о политике жизни, имеющей биологический смысл. Биополитика сужает смысл политики, сводит ее к процессам управления, с одной стороны, жизнью (bios) населения (рождаемость, смертность, питание, расселение), с другой стороны, человеческим телом индивида (анатомия, генетика, гигиена) (М. Фуко). Пределом био-политики народонаселения, регулирующей жизнь человеческого вида, становится некрополитика, использующая смерть в качестве инструмента контроля за населением, которое в «пространствах смерти» получает статус «ходячих мертвецов» (А. Мбембе). В свою очередь анатомо-политика человеческого тела, ориентированная на дисциплину (анатомия, механика, экономия тела) и улучшение природных возможностей тела индивида (гимнастика, развитие мускулатуры, здоровый образ жизни), переходит в психополитику, включающую душу в поле управления власти, запускающей механизмы самооптимизации индивидов (Б.-Ч. Хан). Анатомо-политика человеческого тела достигает предела в танатополитике (Т. Лемке), рассматривающей тело человека как живой материал пригодный для продления жизни другого тела. Танатополитика имеет дело с «новомертвыми» или «псевдоживыми» телами. Пределом интерпретации биополитики выступает zoé politikos, которая обращает к животному миру приматов (шимпанзе) (Ф. де Валь). Политика перестает рассматриваться как исключительно человеческая сфера деятельности, а представляется результатом эволюционного развития животного мира. Утрата биополитикой своего эвристического потенциала предполагает выход за пределы биологической трактовки политики и переход на символический уровень существования политики, который в современной социальной философии представлен концепцией трансполитики.

В третьем параграфе первой главы «Трансполитика: границы медиатизации политики» раскрывается смысл концепции трансполитики, формирующей представление о массмедийной презентации политики. Трансполитика выводит за пределы (транс-) традиционных представлений о политическом процессе, системе демократического представительства и публичной политике (Ж. Бодрийяр). Представление о политическом процессе, как последовательной смене событий, массмедиа замещают демонстрацией политических эксцессов, концентрирующих внимание на том, что нарушает нормальный ход политического процесса: скандалы, коррупционные разоблачения политиков, государственных чиновников. Система демократического представительства вытесняется массмедийной демонстрацией имиджей политиков (Р. Сеннет). Трансполитика изменяет традиционное представление о мышлении и языке. Мышление у телезрителей присутствует на уровне повседневного любопытства, позволяющего наблюдать за политической комедией, драмой или

трагедией, не вникая в смысл происходящего. Язык массмедиа представляется не столько средством передачи смысла, сколько производит визуальные образы. Массмедиа стирают границу между политикой и не-политикой таким образом, что массмедийное изображение политики становится более реальным, чем ее действительность. Отсутствие различия между массмедийной реальностью и действительностью вводит общество в состояние транса как предельного состояния сознания. Процесс медиатизации политики формирует новый вид политики – политику транса. В данном случае латинская морфема «транс-» становится самостоятельным словом, обозначающим состояние «ступора» мышления, когда общество утрачивает способность различать массмедийную реальность политического и действительность политики.

Во второй главе «Метаполитический “поворот” к субъективным началам политики» анализируются концепции метаполитики (А. Бадью) и политики в интериорности (С. Лазарюс), ограничивающие субъективные начала политики представлениями об активисте-интеллектуале как политическом субъекте, чья деятельность идеализируется и абсолютизируется. Выявляются пределы префиксального способа концептуализации политики и обосновывается переход к концепту «политическое».

В первом параграфе второй главы «Концепция метаполитики в контексте социально-философской рефлексии» раскрывается смысл метаполитики как концепции постклассического этапа, в рамках которой происходит пересмотр отношений между философией и политикой. Философия как сфера рефлексивной мысли появляется после (мета-) определенных событий и начинает трактовать эти события в аспекте всеобщей и универсальной гипотезы, функцию которой в политике выполняет идея коммунизма (А. Бадью). Рассмотрение трех этапов исторического развития идеи коммунизма: становление, представление и экспериментирование, позволяет показать особенность третьего этапа, на котором идея коммунизма выступает в качестве гипотезы, открывающей возможность рассуждать над идеалом социального равенства в мире, в котором доминирует неравенство. Метаполитика способствует появлению новой онтологии политики, выстраиваемой на субъективных началах. Теория субъективности базируется на принципе множественности, выраженном в тезисе «люди мыслят». Политика как мысль возникает тогда, когда люди начинают задаваться собственно политическими вопросами «что делать в этой ситуации?» или «что мы можем сделать сами?», обращая людей к самим себе как политическим активистам. Активисты рассматриваются в качестве субъектов политики. Степень активности политической мысли определяет меру политического участия людей в собраниях и организациях. Такая активность людей выполняет функцию имманентной границы, отделяющей политику от не-политики, и позволяющей рассматривать политику как организованный процесс, инициируемый интеллектуальной активностью людей.

Во втором параграфе второй главы «Субъективные основания политики в интериорности» рассматривается концепция политики в интериорности, в которой раскрывается интеллектуальная деятельность политических активистов (С. Лазарюс). Интеллектуалы-активисты различаются по

степени интеллектуальной активности на политических активистов и деятелей политики, которые с разных перспектив мыслят политику. Основой деятельности политических активистов является предписывающая мысль, которая позволяет им двигаться в своих рассуждениях от настоящего – «того, что есть» к будущему – «тому, что может быть». Предписывающая мысль политических активистов делает ситуацию мыслимой, следовательно, доступной для деятелей политики. У деятелей политики основной является аналитическая мысль, которая движется в обратном направлении и исходит из того, «что может быть», то есть из открывающейся возможности, и обращается к тому, «что есть». Предписывающая мысль активистов проходит проверку на интеллектуальность, то есть способность быть реализованной в действии здесь-и-сейчас. Политика представляется в виде исторических модусов – революционного, классистского, большевистского, диалектического, активистского, каждый из которых демонстрирует вот-эту-политику, произведенную аналитической мыслью деятелей политики. В связи с этим политика существует только во множественном числе как «политики» (*une politique*), каждая из которых является политикой революционного действия. В практике революционного действия деятель политики занимает позицию абсолютного субъекта, чья мысль организует действие множества людей (революционеры, коммунисты, члены партии, народные массы, рабочие-иммигранты). Деятели политики представляют собой профессиональных мыслителей, которые обладают революционным сознанием, а политика именуется именем политического деятеля (Сен-Жюст, Маркс, Ленин, Мао).

В третьем параграфе второй главы «Становление субъекта политики активизма в концепции метаполитики» рассматривается процесс становления субъекта политики активизма. Процесс становления показывается на основе трех поворотов, направленных на де-индивидуализацию индивида. Первый «поворот» – это переход индивида от аффективного состояния бессмысленного проживания своей жизни к мышлению. Второй «поворот» связан с активностью мышления, когда индивид обращается к самому себе с основополагающими вопросами «что я могу сделать?» или «что я должен делать?», которые производят «разрыв» в мысли через высказывание о ситуации, открывающее перспективу действия. Третий «поворот» наступает, когда индивид отворачивается от реальности «какой она есть на самом деле» и оказывается лицом к лицу с реальностью идеи. Здесь акцент делается на том, что политическим субъектом может быть только активист, участвующий в политике. Универсальная способность к интеллектуальной деятельности является условием аксиомы равенства умов философов и пролетариев: «философом может быть кто угодно» (А. Бадью). Политика мыслится посредством аналитических и нормативных вопросов. Аналитический вопрос отталкивается от того, «что есть» в настоящем, и обращается к тому, что может произойти в будущем. Нормативный вопрос предполагает обсуждение возможностей будущей политики. Анализ множества возможностей доступен только тому, кто владеет в совершенстве математической логикой и знает математическую теорию множеств, что противоречит изначальному условию политики активизма, утверждающему аксиому равенства умов философов и пролетариев. Идеальным политическим активистом и субъектом политики

становится не столько философ, сколько философ-математик, философ-логик, математик. В рамках метаполитики формируется концепция идеального политического субъекта, чьими мысле-действиями руководит логика.

В третьей главе «Концептуализация политического в логике социального “исключения”» выявляются условия концептуализации «политического» на основе принципа «исключения» в структурах экономической реальности как «исключенной», в правовой реальности как «исключительной».

В первом параграфе третьей главы «Конституирование политического на основе принципа “включение / исключение”» раскрываются условия перехода от префиксальных концепций политики к концептуализации политического, началом которого является мышление, очерчивающее область того, что в настоящем должно-быть-помыслено (М. Хайдеггер). Мышление рассматривается как политическое действие, реализуемое посредством постановки радикальных вопросов. В глобальном устройстве, где приоритетное положение занимает экономика, «политическое» определяется на основе принципа «исключения», определяющем его современную специфику. До настоящего времени основополагающим являлся принцип «включения», ограничивающий конституирование «политического» кругом участников политического процесса, вовлеченных в борьбу как *за* политическую власть (политические партии, политические движения, организации), так и *против* этой власти. В настоящее время «исключение» утрачивает негативный смысл дисквалификации, отторжения, лишения, отказа и непризнания и приобретает позитивный смысл обоснования инклюзивного социального порядка (Н. Луман). В инклюзивном обществе предельным элементом эксклюзивной стороны становится индивид, существующий на пересечении общественных, юридических, экономических, медицинских, образовательных, правовых систем, каждая из которых является условием как его «включения» в социальный порядок, так и основанием для его «исключения». В современном обществе различие между теми, кто включен в социальный порядок, и теми, кто из него исключен, утрачивает характер иерархических позиций социальных групп, слоев или классов. Фактическое включение индивида в социальную систему одновременно может означать его «исключение» из других систем (экономической, правовой, культурной) в результате безработицы, отсутствия денежных доходов, документов, доступа к судебной-правовой защите и т.д. На основе принципа «исключения» политическое определяется, во-первых, как «исключенная» (exclusion) в значении отверженной/отброшенной реальности, во-вторых, как «исключительная» (exclusive) реальность, имеющая временный характер, в-третьих, как реальность «исключенных» индивидов. На основе принципа «исключения» «политическое» определяется на границе экономической, правовой реальностей и системы демократического представительства.

Во втором параграфе третьей главы «“Исключение” политического в структурах экономической реальности» выделяются способы определения «политического» в границах экономической реальности. Экономическая глобализация приводит к тотальному распространению капитала, который становится имманентным принципом организации как жизни общества, так и

человека. Эффективность жизни индивида начинает измеряться особого рода «человеческим капиталом». Индивид оценивается в терминах «экономизации», «монетизации», «накопления» и т.д., а его жизнь рассматривается по аналогии с предприятием, в котором он является одновременно производителем, работодателем и продавцом, добровольно принимающим на себя все инвестиционные затраты, необходимые для постоянного увеличения объема человеческого капитала. Капитал начинает выполнять функцию границы, разделяющей индивидов по принципу рациональности поведения и экономической эффективности. Формируется новая социальная иерархия, разделяющая мир на глобализованные / транснациональные элиты и локальное население (З. Бауман).

На верхнем уровне социальной иерархии находятся транснациональные элиты, к которым относятся представители финансовых, промышленных и политических олигархий мира. Они олицетворяют собой высшую степень концентрации капитала, информационных технологий, ресурсов и демонстрируют предельно рациональное поведение, управляемое рационально-исчисляющим мышлением. На этом уровне в человеческом индивиде сливаются и отождествляются между собой человеческий капитал и компетенция-машина: капитал управляет жизнью элит таким образом, что в этом случае достигается полная «капитализация» жизни. Рационализация и «капитализация» жизни открывает путь вверх, задавая движение жизни по пути самовозвышения к сфере сверхчеловеческого (В. Беньямин). Верхний уровень социальной иерархии можно охарактеризовать как состояние чистого капитала, лишённого жизни, которая в результате превращается в некую абстракцию. Тотальное господство капитала (М. Сюриса) устанавливается путем «исключения» политического и полной деполитизации жизни общества. «Исключение» политического гарантирует неизменность установленного социального порядка.

Нижний уровень социальной иерархии представлен чистой жизнью локального / пролетаризированного населения, обладающего минимальным объемом капитала, свидетельствующим об экономической иррациональности. Иррациональность рассматривается как некая неразумность людей, причиной которой является отсутствие у них знаний, навыков и умений, необходимых для «правильного» накопления человеческого капитала. Нижний уровень социальной иерархии демонстрирует чистую жизнь, суть которой заключается в выживании индивидов, а пролетаризация приобретает тотальный характер, охватывая не только сферу труда, но и сферу жизни. Современный процесс пролетаризации формирует новый класс – прекариат (Г. Стэндинг). Предельным именем, выражающим суть жизни, лишённую капитала, становится «бедняк» (А. Бадью), для которого политическое еще-не-существует. В жизни, лишённой капитала, право человека на человеческую жизнь может подвергаться сомнению, вплоть до ее полного отрицания, что актуализирует вопрос о способах концептуализации «политического» в структурах правовой реальности.

В третьем параграфе третьей главы «“Исключительное” положение политического в структурах правовой реальности» устанавливаются способы определения «политического» в структурах правовой реальности. В правовой реальности «политическое» занимает «исключительное» положение, поскольку

оно определяется только момент объявления о введении «чрезвычайного положения». Двойственный характер «чрезвычайного положения» задает два различных способа интерпретации «политического», возникающих на границе правовой реальности. В первом варианте «политическое» определяется через правовую границу, где оно соотносится с состоянием полноты власти субъекта, объявляющего о введении «чрезвычайного положения» (К. Шмитт). В правовой реальности такой субъект именуется сувереном, обладающим монополией последнего решения. В политической реальности он называется диктатором. Суверен или диктатор являются разными именами абсолютного субъекта. Диктатор представляется по степени абсолютизации власти, которая персонифицируется диктатором-комиссаром и диктатором-сувереном. На верхней границе правовой системы «политическое» занимает временное или промежуточное состояние, которое можно представить следующим образом: правовое-1 (старый конституционный порядок) – политическое – правовое-2 (новый конституционный порядок). Полнота суверенной власти выражается понятием «божественное насилие» (В. Беньямин), обозначающим логический предел рассуждений о «политическом» как абсолютной реальности.

Во втором варианте «политическое» определяется через нижнюю границу исчерпанности правовой компетенции. Здесь «политическое» возникает тогда, когда состояние правового бесправия способствует появлению «голой жизни» *homo sacer* (Дж. Агамбен). «Голая жизнь» *homo sacer* представляется по степени ее объективации в структурах правовой реальности: граждане «второго сорта» при COVID-19, беженцы, обитатели лагеря, люди в коматозном состоянии. Предел правового регулирования как жизни, так и смерти, наступает тогда, когда право суверена и бесправие «голой жизни» отождествляются между собой (экспериментальная жизнь ученого), превращая *homo sacer* в понятие-границу, обозначающее «политическое» как «исключительную» реальность. Достижение предела показывает, что современную специфику «политического» невозможно и бессмысленно выводить из правовых форм государственной власти, выраженных в представлениях о «чрезвычайном положении».

В четвертой главе «Репрезентация политического на пределе системы демократического представительства» анализируется демократия неолиберального типа как вариант неполитической демократии, в которой политическая манифестация становится формой самопредставления «исключенных» индивидов.

В первом параграфе четвертой главы «Неолиберальный тип демократии: стратегия “исключения” политического» показана трансформация концепта «демократия» в условиях неолиберального государства. Принцип «исключения» политического становится базовым принципом, обнаруживающим пределы функционирования демократической системы, которая на пределе трансформируется в демократию неполитического типа, исключающую участие народа. Этот процесс означает «конец демократии» и наступление постдемократического мира (К. Крауч). Демократический принцип равенства или равноправия оборачивается своей противоположностью – состоянием радикального неравенства политических возможностей, которые имеют

транснациональные элиты и локальное население. Эффект неравенства проявляется одновременно в двух режимах: «нехватки» и «избытка» демократии. Вариант «избытка» демократии обосновывает возможность существования «демократии без демоса». Основной стратегией элит становится деполитизация жизни общества. Субъектом кризиса является фигура *писца Бартлби* (С. Жижек), а метафора «бартлбианская политика», с одной стороны, показывает зависимость власти от голосов избирателей, с другой, разворачивает народ к идее жизни, демонстрируя, что любая борьба с властью транснациональных элит бесполезна и бессмысленна. Вариант «нехватки» демократии основывается на аксиоме, вариациями выражения которой служат утверждения: «демократия является единственно возможным вариантом»¹¹ или «парламентские демократии не хороши, но они “наименее плохи”»¹². Лишение демократии политического смысла означает, что расширение демократического принципа (представительная демократия + элементы прямой демократии) неизбежно сопровождается одновременным сокращением политических полномочий избирателей, что снижает реальные возможности граждан оказывать влияние на государственную политику, находящуюся под властью элит, транснациональных корпораций и мировых финансовых рынков. В условиях неолиберализма цифровая или электронная демократия, кибердемократия инициируют появление форм симуляции участия народа в политическом процессе, которые активизируются в условиях массового «ухода» граждан из политики и снижения уровня их политической активности. В этом варианте субъектом кризиса института демократического представительства становится собственно *представляемый* (М. Хардт, А. Негри), который обозначает пределы идеи гражданственности и показывает бессмысленность активного участия в политической жизни.

Во втором параграфе четвертой главы «Политическая манифестация как форма репрезентации социального “исключения”» показано, что современные политические манифестации являются эффектом неолиберальной политики государства, ориентированной на деполитизацию жизни населения, что производит «исключенную» часть общества, которая лишена представительства. Манифестация рассматривается как форма самопредставления «исключенных» социальных индивидов, позволяющая показывать себя и говорить: «мы есть, мы существуем». Политическая манифестация как демонстративный акт рассматривается как союз иммигрантов-иностранцев и со-чувствующих им интеллектуалов. Она связана с процессом становления субъекта путем деидентификации индивида (Ж. Рансьер). Деидентификация как отказ индивида от своей самости, своего гражданства и государства превращает его в субъекта-изгнанника. Изгнание рассматривается как пограничное состояние, которое относится, с одной стороны, к иммигрантам, проживающим в стране, но лишенным своей доли (у)частия в делах общества, с другой стороны, к внутренней иммиграции индивидов, добровольно превращающих себя в изгнанников. В

¹¹ Шмиттер Ф. К. Угрозы и дилеммы демократии // ПолитНаука. Политология в России и мире. 2006. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/dem/schmitter.php>

¹² Бадью А. Краткий трактат по метаполитике // Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / пер. с фр. Б. Скуратова, К. Голубович. М.: Логос, 2005. С. 112.

первом варианте изгнанник представляется именем «иммигрант», объединяющим трудовых мигрантов и беженцев, которые в силу жизненных обстоятельств (война, голод, отсутствие работы) вынуждены покинуть свою страну. Второй вариант интерпретации субъекта-изгнанника как внутреннего иммигранта обращает нас к интеллектуалам (ученые, философы, писатели), для которых иммиграция становится способом сохранения собственной субъективности как способности мыслить. В субъективном пространстве манифестации политическое-как-исключенная реальность демонстрируется несобственным именем единично-множественного числа: «демос», «пролетарий», «иммигрант». Политическая манифестация как перформативный акт (Дж. Батлер) связана с действиями множественного политического субъекта, формирующегося в результате решения индивида стать частью уличной политики. Началом собрания тел является либо интуитивное чувство несправедливости (прекариат), либо представление о возможности изменений (индивид). Множественный политический субъект формируется из пограничных слоев населения (нелегальные мигранты, беженцы, бездомные, бедняки), лишенных работы, пропитания, дома и т.д. Такой множественный субъект политической манифестации является субъектом-лишенцем, преобразующим вопросы частной жизни в политические проблемы равенства и справедливости. Манифестации показывают, что граница политического-как-исключенной реальности совмещается как с правовой (права мигрантов), так и экономической (жизненная нужда) реальностями.

В третьем параграфе четвертой главы «Политические фигуры символизации борьбы “исключенных” индивидов» концептуально обосновывается символическая фигура Борца, олицетворяющая современное противостояние тотальной власти капитала и правового бесправия. Борец стоит в одном ряду с Коммунистом и Революционером как символическими фигурами XIX-XX вв. Суть Коммуниста раскрывается в Манифесте Коммунистической партии К. Маркса и Ф. Энгельса, где он представляется фигурой, обозначающей переход к идее коммунизма. В работах В. И. Ленина профессиональный Революционер олицетворяет собой «поворот» к организованной и сознательной классовой борьбе. Эти фигуры символизируют идейность (Коммунист) и дисциплинированность (Революционер) политического действия.

Современная фигура Борца (М. Хардт, А. Негри) обозначает «поворот» от политической борьбы против капитала, капиталистов и капиталистической эксплуатации к борьбе за жизнь, которая в современных условиях приобретает политический смысл. Борьба разворачивается, во-первых, на локальном уровне местных сообществ, занятых хозяйственной деятельностью по восстановлению экономической инфраструктуры жизни. Экономическая глобализация, представляющая собой фундаменталистскую версию капитализма в монополистической стадии, использует «шоковую терапию»: шок (катастрофа, кризис, военный переворот, запугивание общества) – регрессивное состояние внутри общества (история, культура, коллективная память) – «возрождение» нового с «чистого листа» (состояние глобального капитализма) (Н. Кляйн). Начало сопротивления связано с процессом мышления, когда население начинает задаваться политическими вопросами. В этом случае Борец является фигурой,

олицетворяющей собой трудовой активизм людей (кооперации фермеров, кооперативы рабочих, объединенные поселения), переживших шоковую терапию экономической глобализации. Во-вторых, борьба разворачивается на глобальном уровне жизни множества, борющегося за свои права. Она сводится к борьбе за глобальное гражданство рабочих, участвующих в создании капитала; борьбе за право на репроприацию; борьбе за социальную заработную плату и гарантированный доход (А. Горц). Борец демонстрирует полную победу капитализма, показывая невозможность применения в современном мире традиционных форм политической борьбы. В фигуре Борца коммунистическая идея освобождения человека от власти капитала в ее марксистской трактовке оборачивается своей противоположностью – идеей признания нищеты масс в условиях полной и окончательной победы капитала в глобальном масштабе. Борец показывает, что высшим идеалом жизни может быть только сама жизнь, а гарантом такого подхода становится рассудительность множества людей, чье здравомыслие помогает им понять, что единственным политическим действием является восстановление жизни.

В пятой главе «Социально-философские смыслы политической жизни в эпоху глобализации» раскрывается смысл житейской политики, заданной фигурами *homo sacer* и инфантильного потребителя, и показывается переход на онтологический уровень представления политической жизни, связанный с мышлением как «формой-жизни».

В первом параграфе пятой главы «Политика жизни “исключенных” индивидов: мышление как “форма-жизни”» раскрывается проблематика политического мышления и того значения, какое имеет мышление в политической жизни общества эпохи глобализации. Показаны два уровня концептуализации политической жизни – онтический и онтологический. На онтическом уровне смысл политики жизни рассматривается на основе жизни *homo sacer* и инфантильного потребителя. Фигура *homo sacer* демонстрирует политику жизни социально обездоленных слоев населения, которая зависит от государственного надзора, превращающего их в клиентов социальных служб (З. Бауман). *Homo sacer* становится общим понятием, обозначающим состояние отчуждения или исключения индивидов, чья жизнь включается в систему паноптикона (М. Фуко). Система паноптикона разделяет общество на наблюдающее меньшинство и поднадзорное или контролируемое большинство. Житейская политика *homo sacer* непосредственно связана с поддержанием биологического уровня жизни, то есть является своего рода политикой выживания. Сущность житейской политики определяется житейским страхом за жизнь (М. Хайдеггер). Житейская политика инфантильного потребителя выражает либеральные представления индивидов о жизненном благополучии и приоритете частных интересов. Она реализуется по модели синоптикона (З. Бауман, Т. Матисен). Синоптическая модель исключает какое-либо активное участие индивидов в политической жизни, но включает их в качестве потребителей информации, занимающих интерпассивную позицию (С. Жижек). Оптическая система синоптикона нейтрализует повседневную рассудительность инфантильного потребителя, иницируя появление житейского

страха, который проявляется в боязни потерять накопленные материальные блага и понизить уровень благосостояния.

На онтологическом уровне политическая жизнь рассматривается на основе мышления как «формы-жизни» (Дж. Агамбен), обеспечивающей индивидам способность сопротивляться инертности социального существования. В аспекте сопротивления декартовский тезис «я мыслю, следовательно, существую» (ego cogito, ergo sum) интерпретируется двумя способами: «я сопротивляюсь, следовательно, мыслю» и «я мыслю, следовательно, сопротивляюсь». В первом варианте трактовки тезиса «я мыслю, следовательно, сопротивляюсь» путь мышления начинается с логического «разрыва» как с постулатами здравого смысла, так и с господствующими установками общественного мнения. Однако способность сопротивляться мышлением здесь ограничивается кругом интеллектуалов – философов, логиков и математиков, владеющих системой рассуждения, то есть логикой аргументации и правилами выведения следствий (А. Бадью). Во втором варианте «я сопротивляюсь, следовательно, мыслю» мышление является умозрением, позволяющим человеку наблюдать, рассуждать и выносить суждение. Изначальным условием мышления является способность индивида вести внутренний диалог с самим собой и придти к согласию с самим собой (Х. Арндт). Способность мыслить политически актуализируется в кризисные периоды, когда индивид вовлекается в герменевтический круг понимания. Первый круг формируется субъективным желанием индивида безрефлективно и не раздумывая принять то, что он увидел. Второй круг связан с аналитической деятельностью мышления, сводящего частный случай к общему правилу. Третий круг возвращает индивида к началу, с которого и начинается подлинное понимание. Политическое мышление является «мышлением без опоры», самоопределяющимся из самого себя как самоосновной деятельности. Такое мышление позволяет индивиду самостоятельно выносить суждение, согласовывая свои слова и действия. Общечеловеческая потребность в мышлении демонстрирует равенство философской и нефилософской позиций. Две противоположные позиции – индивида, погруженного в повседневность, и философа как профессионального мыслителя, живущего в состоянии уединения от повседневной суеты, совпадают, демонстрируя, что мышление является единственным способом сопротивления в условиях кризиса.

Во втором параграфе пятой главы «Политическая жизнь в структурах мышления и существования» раскрывается смысл политической жизни на основе двух положений: существование мышлением и мышление существованием. Вариант существование мышлением (я, мысля, существую) рассматривается на основе жизни интеллектуала как социального критика. Декартовское положение «я мыслю, следовательно, существую» (ego cogito, ergo sum) переводится следующим образом: «я мыслю, следовательно, критикую», то есть здесь мышление тождественно критике: «мыслю = критикую». Становление социального критика является рефлексивным процессом, который рассматривается на основе метафоры «ухода-и-возврата». «Уход» – это первый «поворот» в жизни интеллектуала, инициируемый отчуждением от своего класса, граждан, народа (М. Уолцер). Отчуждение аналогично внутренней или внешней миграции, превращающей

интеллектуала в скитальца или изгнанника. Отчуждение открывает одинокий путь размышлений, результатом которых является либо собственная теория переустройства общества, либо открытие универсального критерия справедливой и/или благополучной жизни, либо создание идеализированного образа сограждан и т.д. «Возврат» – это второй «поворот» в жизни интеллектуала, позволяющий переносить свои собственные представления о том, как его сограждане должны жить и мыслить, а власть управлять народом на действительность такую, «какая она есть на самом деле». Социальная критика интеллектуалов вырабатывает социальное недоверие к существующей власти и политике в целом.

Возвращение к жизни, лишенной каких-либо идеалов и/или идей, открывает уровень существования индивидов, характерный для социальной практики кинизма (П. Слотердаjk). Первым «поворотом» в жизни киника является его «возврат» к границам природного/естественного существования, где индивид освобождается от власти желаний материального благополучия и социальных потребностей. Второй «поворот» в жизни киника связан с «уходом» от власти и политики, позволяющий индивиду вести антиполитичный образ жизни, демонстрируя предел политической жизни. Формами аргументации индивида, ведущего антиполитичный образ жизни киника, являются физиогномические и пантомимические жесты: покачивание головой, злорадный смех, пожимание плечами. Отрицание политики образом жизни реализуется на пределе утраты образа человеческой жизни, которая проживается в сообществе граждан и зависит от политики и власти.

В варианте *мышления существованием* (я существую, мысля) политика и жизнь рассматриваются в качестве равнозначных оснований, которые отождествляются в политической жизни индивида, осознающего, что политические идеи не должны отрицать жизнь, а жизнь не должна отрицать политические идеи. Мышление существованием основывается на перманентной рефлексии, которая рассматривается по аналогии с «революцией сознания» (А. С. Панарин) как рефлексивным движением мышления. В процессе первого «поворота» человек «уходит» от себя как индивида-потребителя. Ассоциальная чувственность и равнодушие потребителя заменяются новым типом социальной впечатлительности личности, способной согласовывать между собой собственные мысли, слова и действия. Второй «поворот» в жизни человека связан с «возвратом» к самому себе как социально ответственному гражданину, осознающему меру своей ответственности перед согражданами, и понимающему, что основой существования «мы» составляет наше «я». В политической жизни общество представляется социальным сообществом согласия граждан, которое формируется на пересечении субъективных позиций.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются выводы, намечаются дальнейшие направления работы по теме диссертации. На основании проведенного исследования были установлены пределы концептуализации политики в структурах префиксации. Показано, что в условиях глобализации принципом концептуализации «политического» становится «исключение». Выявлены субъективные основания политической жизни, выстраиваемой на идее мышления существованием.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Журбина (Соловей), И. В. Конструирование «политической реальности» в дискурсе политического субъекта / И. В. Журбина // *Философские науки*. – 2005. – № 11. – С. 34-46 (0,7 п.л.).

2. Журбина (Соловей), И. В. Дискурсивные стратегии софиста в современном поле политики / И. В. Журбина // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: История. Политология. Социология. – 2006. – № 2. – С. 199-205 (0,8 п.л.).

3. Журбина (Соловей), И. В. Дискурсивные стратегии современного поля политики: ортодоксия и софистика / И. В. Журбина // *Философские науки*. – 2007. – № 2. – С. 51-65 (0,8 п.л.).

4. Журбина (Соловей), И. В. Дискурсивные стратегии поля политической «доксы» / И. В. Журбина // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурные коммуникации. – 2009. – № 1. – С. 151-154 (0,46 п.л.).

5. Журбина (Соловей), И. В. Автономизация поля политики в структурах дискурсивности / И. В. Журбина // *Известия Высших учебных заведений*. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 4 (12). – С. 42-48 (0,4 п.л.).

6. Журбина (Соловей), И. В. Социальная организация в постполитическом пространстве дискурса манифестации / И. В. Журбина // *Теория и практика общественного развития*. – 2014. – № 5. – С. 17-19 (0,4 п.л.).

7. Журбина (Соловей), И. В. Бытие «политического сообщества» в структурах публичного дискурса / И. В. Журбина // *European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук)*. – 2014. – Т. 3. – № 6 (45). – С. 43-51 (0,52 п.л.).

8. Журбина (Соловей), И. В. Трансформация политического бытия в пространстве медиа-реальности / И. В. Журбина // *В мире научных открытий*. Социально-гуманитарные науки. – 2014. – № 11-3 (59). – С. 1374-1392. DOI: 10.12731/wsd-2014-11.3-12 (0,68 п.л.).

9. Журбина (Соловей), И. В. Биополитическое бытие социального в структурах государственного управления / И. В. Журбина // *European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук)*. – 2014. – Том 2. – № 8 (47). – С. 583-594 (0,57 п.л.).

10. Журбина (Соловей), И. В. Дискурсивные стратегии в поле риторики власти / И. В. Журбина // *Политическая лингвистика*. – 2014. – № 2 (48). – С. 254-261 (0,93 п.л.).

11. Журбина (Соловей), И. В. Представление политического бытия в структурах социального «исключения» / И. В. Журбина // *Теория и практика общественного развития*. – 2014. – № 6. – С. 18-20 (0,4 п.л.).

12. Журбина (Соловей), И. В. Объективация социального бытия в пространстве «био-политики» / И. В. Журбина // *European Social Science Journal*

(Европейский журнал социальных наук). – 2014. – Т. 1. – № 6 (45). – С. 9-16 (0,45 п.л.).

13. Журбина (Соловей), И. В. Политика жизни в структурах индивидуализированного бытия / И. В. Журбина // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 382. – С. 70-74. DOI: 10.17223/15617793/382/11 (0,66 п.л.).

14. Журбина (Соловей), И. В. Трансформация смыслов концептуального поля политики в структурах префиксальности / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 26. – Вып. 1. – С. 17-27 (1,37 п.л.).

15. Журбина, И. В. Границы определения «политического» в структурах экономической реальности / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 28. – Вып. 3. – С. 271-277 (0,76 п.л.).

16. Журбина, И. В. Манифестация социального «исключения» в пространстве политического дискурса / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 28. – Вып. 2. – С. 145-153 (1 п.л.).

17. Zhurbina, I. Interpreting The Concept Of Politics In Terms Of Prefixation / I. Zhurbina // Balkan Journal of Philosophy. – 2019. – Vol. 11. – Issue 2. – P. 169-178. DOI: <https://doi.org/10.5840/bjp201911217> (1 п.л.).

18. Zhurbina, I. Political Ontology of Alain Badiou and Sylvain Lazarus: Turning to the Subjective Principles of Politics / I. Zhurbina // Balkan Journal of Philosophy. – 2021. – Vol. 13. – Issue 2. – P. 153-160. DOI: 10.5840/bjp202113218 (1 п.л.) (К 1).

19. Zhurbina, I. Political Limit of Neoliberal Democracy: The Strategy of Inequality / I. Zhurbina // Dialogue and Universalism. – 2022. – Vol. 32. – Issue 3. – P. 79-94. DOI: <https://doi.org/10.5840/du202232341> (1,2 п.л.).

20. Журбина, И. В. Неолиберальный тип демократии: стратегия «исключения» политического / И. В. Журбина // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19. – № 3. – С. 70-85. DOI: https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_70 (1 п.л.).

21. Журбина, И. В. Символизация человека в фигурах политического действия: Коммунист – Революционер – Борец / И. В. Журбина // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20. – № 3. – С. 44-60. DOI: https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_44 (1,38 п.л.).

22. Zhurbina, I. Thinking as a Form of Political Life, or «How Can One Think Politically in a Post-Political World»? / I. Zhurbina // Balkan Journal of Philosophy. – 2023. – Vol. 15. – Issue 2. – P. 137-146. DOI: <https://doi.org/10.5840/bjp202315218> (1,2 п.л.).

23. Zhurbina, I. Autonomization of the Political within the Boundaries of Legal Reality / I. Zhurbina // Dialogue and Universalism. – 2024. – Vol. 34. – Issue 3. – P. 115-129 DOI: <https://doi.org/10.5840/du202434345> (1 п.л.).

24. Журбина, И. В. Фигура патриота в современной политике / И. В. Журбина // Антиномии. – 2024. – Т. 24, вып. 4. – С. 73-93. DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_73 (1,5 п.л.).

Монографии:

25. Журбина (Соловей), И. В. Философские смыслы поля политики / И. В. Журбина. – Ижевск: Изд-во «Удмурт. ун-т», 2012. – 248 с. ISBN 978-5-4312-0096-0 (15,5 п.л.).

26. Журбина, И. В. Герменевтика метафизических оснований политического бытия / И. В. Журбина. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2018. – 284 с. ISBN 978-5-4312-0598-9 (16,5 п.л.).

Публикации в других научных журналах и изданиях:

27. Журбина (Соловей), И. В. Произведение «народа» в поле политики / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Серия философия и социология. – 2005. – № 2. – С. 193-200 (0,6 п.л.).

28. Журбина (Соловей), И. В. Дискурс классового антагонизма в постполитическом мире / И. В. Журбина // Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада: методология, опыт эмпирического исследования. Материалы IX Международной конференции, посвященной памяти профессора Л. Н. Когана «Политические процессы и политические институты: тренды и локализация». – Екатеринбург: УрГУ, 2006. – Ч. III. – С. 17-19 (0,2 п.л.).

29. Журбина (Соловей), И. В. Ортодоксальное прочтение политической традиции / И. В. Журбина // Проблема текста в гуманитарных исследованиях: материалы научной конференции (Москва, МГУ, 16-17 июня 2006 г.). – М.: Издатель Савин С. А., 2006. – С. 261-262 (0,2 п.л.).

30. Журбина (Соловей), И. В. Дискурсивная стратегия ортодокса: проблема объективации политического мира / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Философия и социология. – 2006. – Вып. 3. – С. 12-21 (0,7 п.л.).

31. Журбина (Соловей), И. В. Производство политической дискурсивности в структурах логологии / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Человек и общество. – 2008. – Вып. 1. – С. 91-100 (0,5 п.л.).

32. Журбина (Соловей), И. В. Риторика политического «действия» / И. В. Журбина // Профессия «журналист»: вызовы XXI века: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, 26 ноября 2008 г.). – Ижевск: УдГУ, 2008. – С. 168-177 (0,5 п.л.).

33. Журбина (Соловей), И. В. Самоопределение политического бытия в структуре социального цинизма / И. В. Журбина // Социальный мир человека: материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Человек и мир: социальные миры изменяющейся России» (Ижевск, УдГУ, 25-26 июня 2008 г.). – Ижевск: Изд-во «ERYO», 2008. – Вып. 2. – С. 435-436 (0,2 п.л.).

34. Журбина (Соловей), И. В. Стратегия социального единства в политических дискурсах протеста и согласия / И. В. Журбина // Современные социально-политические технологии: смыслы и ценности. Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Ижевск, 25-26 марта 2009 г.) в 2 ч. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – Ч. I. – С. 147-152 (0,3 п.л.).

35. Журбина (Соловей), И. В. Определение пост-политического мира в понятиях «транс-политики» и «мета-политики» / И. В. Журбина // Актуальные

проблемы журналистики в новом тысячелетии: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, УдГУ, 2 декабря 2009 г.). – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – С. 42-49 (0,45 п.л.).

36. Журбина (Соловей), И. В. Политическая субъективность в пост-политическом пространстве / И. В. Журбина // Социальная теория и проблемы информационного общества: материалы I Международного симпозиума (Ижевск, 30-31 октября 2009 г.). – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – С. 113-122 (0,5 п.л.).

37. Журбина (Соловей), И. В. Объективация «политического» в структурах доксического дискурса / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – Вып. 1. – С. 187-196 (0,5 п.л.).

38. Журбина (Соловей), И. В. Самоопределение абсолютной политической субъективности в порядках индивидуальности / И. В. Журбина // Социальная онтология в структурах теоретического знания: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, УдГУ, 28-29 мая 2010 г.). – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – С. 124-129 (0,3 п.л.).

39. Журбина (Соловей), И. В. Концепт «политика» в онтологических структурах мышления и языка / И. В. Журбина // Современные научные исследования: история, культурология, социальная философия: сб. научных статей. – Ижевск: Изд-во «Удмурт. ун-т», 2010. – С. 88-91 (0,3 п.л.).

40. Журбина (Соловей), И. В. Бытие «политического» на границе субъективности / И. В. Журбина // Социальная онтология в структурах теоретического знания: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, УдГУ, 27-28 мая 2011 г.). – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – С. 135-144 (0,5 п.л.).

41. Журбина (Соловей), И. В. Представление социального со-общества в структурах публичного политического дискурса / И. В. Журбина // Современные социально-политические технологии: сб. научных статей. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – С. 214-223 (0,7 п.л.).

42. Журбина (Соловей), И. В. Предел представительского концепта «политики» / И. В. Журбина // Социальная онтология: конструктивно-герменевтический подход: сб. научных статей. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – С. 321-341 (1,2 п.л.).

43. Журбина (Соловей), И. В. Конструирование политической субъективности в порядках индивидуального бытия / И. В. Журбина // Социальная онтология в структурах теоретического знания: материалы IV Международной научно-практической конференции (Ижевск, УдГУ, 25-26 июня 2012 г.). – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – С. 345-351 (0,5 п.л.).

44. Журбина (Соловей), И. В. Пределы социального бытия в структурах властного дискурса / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – 2012. – Вып. 4. – С. 18-26 (0,5 п.л.).

45. Журбина (Соловей), И. В. Дискурсивные стратегии социальных индивидов в структурах «биополитики» / И. В. Журбина // Навстречу XXIII Всемирному философскому конгрессу: философия как исследование и образ

жизни: материалы докладов международной конференции, посвященной 45-летию Казанского государственного энергетического университета (Казань, КГЭУ, 26-27 апреля 2013 г.). – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2013. – С. 199-200 (0,2 п.л.).

46. Журбина (Соловей), И. В. Конструирование «политического» в пространстве медиа-реальности / И. В. Журбина // Бренное и вечное: социокультурная драма истории между мифом и политикой: материалы Всероссийской научной конференции (Великий Новгород, НовГУ, 27-28 ноября 2012 г.). – Великий Новгород: НовГУ, 2013. – С. 358-364 (0,4 п.л.).

47. Журбина (Соловей), И. В. Пределы биополитических стратегий «управленческого государства» / И. В. Журбина // Теоретико-методологические аспекты социально-экономического и политического развития стран Центральной Азии и СНГ: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Заслуженного деятеля Казахстана, д. ист. н., проф. М. С. Бесбаева (Алматы, 15 марта 2013 г.) в 3-х томах. – Алматы: Центр оперативной печати КазАТиСО, 2013. – Т. 1. – С. 253-263 (0,7 п.л.).

48. Журбина (Соловей), И. В. Бытие политики в структурах медиа-реальности / И. В. Журбина // Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность: сб. научных статей. – Ижевск: Изд-во «Удмурт. ун-т», 2013. – С. 194-198 (0,3 п.л.).

49. Журбина (Соловей), И. В. Объективация политического бытия в жизни «антропологической машины» / И. В. Журбина // Матэрыялы XIX Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытаньняў, прысвечаных Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 22-24 мая, 2013 г.): у 2 ч. – Мінск: БДУКМ, 2013. – Ч. 1. – С. 106-110 (0,3 п.л.).

50. Журбина (Соловей), И. В. Дискурсивное бытие субъекта в структурах политики жизни / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – 2013. – Вып. 3. – С. 3-9 (0,8 п.л.).

51. Журбина (Соловей), И. В. Биополитическое производство социального в структурах имперского устройства мира / И. В. Журбина // Бренное и вечное: имперский синдром: идеология, мифология и социально-культурная практика. Материалы Всероссийской научной конференции (Великий Новгород, НовГУ, 3-4 декабря 2013 г.). – Великий Новгород: НовГУ, 2014. – С. 312-316 (0,3 п.л.).

52. Zhurbina (Solovey), I. V. Discourse Strategies of Individuals in Biopolitics Structures / I. V. Zhurbina // Dialogue and Universalism. – 2014. – Vol. XXIV. – No. 3. – P. 151-155 (0,4 п.л.).

53. Журбина (Соловей), И. В. Метафизические основания политического бытия / И. В. Журбина // Социальная онтология в структурах теоретического знания: материалы VII научно-практической конференции с международным участием (Ижевск, УдГУ, 2015). – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2015. – С. 252-264 (0,7 п.л.).

54. Zhurbina (Solovei), I. V. Transformation of Political Existence in Media Reality / I. V. Zhurbina // In the World of Scientific Discoveries. Series A. – 2015. – Vol. 3. – No. 1. – P. 169-178 (0,4 п.л.).

55. Журбина (Соловей), И. В. Терроризм нерепрезентативности в деполитизированном пространстве социального бытия / И. В. Журбина // Социально-философские проблемы современности. Материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию юбилею доктора философских наук, профессора Дамира Ахметовича Нуриева (Уфа, БашГУ, 3 июня 2016 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 183-189 (0,4 п.л.).

56. Журбина (Соловей), И. В. Парадоксы социального единства в дискурсе протеста / И. В. Журбина // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, ИГУ, 24 июня 2016 г.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – С. 50-56 (0,4 п.л.).

57. Журбина, И. В. Концепция политического общения Аристотеля в контексте «лингвистического поворота» / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 30. – Вып. 1. – С. 11-20. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2020-30-1-11-20> (1,14 п.л.).

58. Zhurbina, I. V. Interpretation of the Concept of Archipolitics in the Context of Expert Management / I. V. Zhurbina // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021). – 2021. – Т. 119. – Р. 180-186. DOI: [https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.12.02.23_\(0,53](https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.12.02.23_(0,53) п.л.).

59. Журбина, И. В. Разум как организующий принцип системы государственного управления в учении Никколо Макиавелли / И. В. Журбина // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 32. – Вып. 1. – С. 5-15. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2022-32-1-5-15> (1,26 п.л.).